

18+

Людмила Меренкова

Знаки с небес

сборник

Людмила Меренкова

Знаки с небес. Сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23792999

ISBN 9785448504082

Аннотация

Сборник содержит два романа о женской судьбе. Все наши комплексы, страхи, убеждения и проблемы тянутся ниточками из нашего детства. Словно кружево, эти ниточки вяжут судьбу человека. Знаки с небес могли бы предупредить и уберечь нас от ошибок и бед, но часто мы не видим их и не усваиваем уроков...

Содержание

Санькины бусинки	7
Бусинка первая. Первая любовь	11
Бусинка вторая. Едем-едем на Урал!	14
Бусинка третья. Новая школа	26
Бусинка четвертая. Этот волшебный мир!	30
Бусинка пятая. Любовь под партой и не только	33
Бусинка шестая. «К борьбе за дело...»	37
Бусинка седьмая. Великая сила примера	40
Бусинка восьмая. Первое «взрослое» лето	43
Бусинка девятая. «Музыка нас связала...»	47
Бусинка десятая. «Бригада»	52
Бусинка одиннадцатая. Школа комсомольского актива	66
Бусинка двенадцатая. «Великолепная семерка»	71
Ошибки Вероники или уроки Богов	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Знаки с небес

Сборник

Людмила Меренкова

© Людмила Меренкова, 2018

ISBN 978-5-4485-0408-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Людмила Николаевна Меренкова – учитель, Почетный работник общего образования Российской Федерации, Ветеран труда. Начиная свою трудовую деятельность старшей пионерской вожатой, работала заместителем директора гимназии по воспитательной работе, в настоящее время руководит школьным литературно-музыкальным клубом и проводит благотворительные Международные конкурсы юных да-

рований в Пятигорске для инвалидов и детей-сирот.

Санькины бусинки

Девочка накануне выпуска из средней школы в спешке собирается на свой выпускной бал, и, перебирая рассыпанные по полу любимые жемчужные бусы – подарок отца – вдруг начинает вспоминать все свое детство. Странный сон, мистически окутавший ее на несколько минут, помог понять многое из событий детских лет и не позволил ей грустить о расставании с прошлым. Она с легкостью выпорхнула в неведомую взрослую жизнь.

– Ой, что же я наделала! – звонкий, почти истерический крик девушки услышали даже соседи этажом ниже. Крупные жемчужины любимых бус Александры, недавно подаренных отцом к окончанию школы, громко захлопали по деревянному полу и с необычайным проворством разбежались по всей комнате. Их хозяйка так спешно собиралась на свой выпускной бал, что зацепила нитку жемчуга за спинку стула, на котором развесила посреди комнаты свое выпускное платье. Ах, какое это было платье! Легкая кружевная молочного цвета кисея на розовом атласе, летящая юбка и широкий атласный пояс – такое платье достойно принцессы! Она сама выбирала фасон для наряда у портнихи из подаренной мамой ткани. И эти злополучные бусы – длинная жемчужная нить – должны были завершить прекрасный выпускной

наряд. И вот, пожалуйста! До выпускного вечера всего час, а бусы разлетелись во все углы!..

Собирая бусинки с пола по одной, Александра невольно осматривала каждую и вдруг заметила, что они вовсе не одинаковы, как это казалось в ожерелье. Каждая бусина была совсем не похожа на остальные, имела как бы свое лицо: вмятинки и бугорочки, точки и перламутровые волны делали каждую бусинку особенной. Было понятно, что каждая из них до того, как их собрали в общую нить, имела свою загадочную, неизвестную историю, свою жизнь...

Минуты шли за минутами, но Александра не вспоминала, что пора спешить, все разглядывала каждую поднятую бусину, как будто читала по этим отметинам историю ее жизни до того, как она попала в ожерелье... «Вот и мы в нашем классе такие разные! – вдруг подумала Сашенька. – Собрали нас когда-то в одно „ожерелье“, и притирались мы друг к дружке 10 лет: то царапали побольнее, то влюблялись, то шишки набивали, и со стороны выглядели почти одинаковыми, стали почти семьей, как эти бусины на одной ниточке! А ведь завтра ниточка оборвется и рассыплемся в разные стороны по всей земле... Что за судьба ждет каждого?»

Сжимая подобранную бусинку в ладони, Саша задумчиво присела на ковер, прислонившись спиной к мягкому краю дивана, и внезапно комната куда-то отодвинулась или растворилась в перламутровом тумане, а маленькая бусинка в ладони девушки вдруг стала расти, расти... И вот уже все

бусины завертелись огромными шарами в сумасшедшей карусели, и весь реальный мир исчез за этим вихрем.

И снится ей сон. Она бежит в школу на свой выпускной, опаздывая из-за этих злополучных бус. Двор школы был пустынным, все уже давно вошли в здание, из открытых окон слышалась музыка и шум многочисленных голосов. По этому шуму Саша поняла, что бал еще не начался, и, значит, она еще не опоздала. Она вбежала в холл, нарядная толпа родителей, учителей и ребят расступилась перед задержавшейся выпускницей, и Александра через этот проем увидела свое отражение в знакомом зеркале против двери, перед которым всегда задерживались девчонки, войдя в школу: из отражения на нее смотрела маленькая девчушка лет трех. Золотистые кудряшки светились в ярком праздничном свете зала, выцветшее фланелевое платье не прикрывало детских подтяжек, которые держали простые коричневые чулочки.

Девчушка растерянно разглядывала Сашеньку из зеркала, и в ее глазах появился испуг. Саша тоже удивленно и испуганно смотрела на отражение и не могла понять, почему она это видит в зеркале.

Все присутствующие в холле люди тоже замолчали и удивленно смотрели на Сашу. Наконец, она очнулась и спешно оглядела себя: здесь, не в зеркале, она была собой и одета в свое нарядное выпускное платье! Кто же тогда отражался в зеркале? Она снова осмотрела себя, убедилась, что все в порядке, даже бусы она успела надеть, а вот из зеркала

на нее по-прежнему смотрела та маленькая девочка, и все в зале смотрели на Сашу, как будто перед ними стояла та девчушка, а не взрослая нарядная выпускница. Это было написано в их удивленных глазах и сочувственных позах. Они как будто хотели спросить ее, что она здесь делает в такой поздний час, и с кем она пришла.

Наконец, до Сашеньки дошло, что это она отражается в проклятом зеркале, и страх стал охватывать все ее тело, постепенно расплзаясь от кончиков пальцев ног до головы. Это не могло быть правдой, она не может быть такой маленькой сейчас, она окончила школу, она – выпускница! Сейчас все убедятся, что зеркало их обманывает! Саша медленно пошла к зеркалу навстречу маленькой девочке – отражение двинулось к ней, а потом произошло нечто совсем ужасное: едва Саша прикоснулась к зеркалу, как отражение протянуло к ней маленькие ручки, ухватило за бусы и стало тянуть ее на свою сторону!

Санька с ужасом поняла, что эта маленькая оборвашка вот-вот втянет ее в тот мир за зеркалом, в который она не хотела возвращаться. Она изо всех сил попыталась упереться в холодную зеркальную поверхность, но зеркало оказалось вязким, как густой кисель и сделать это никак не получалось. Санька закричала и рванула бусы к себе изо всех сил, стараясь освободиться из цепких рученок отражения. Нить не выдержала, и крупные бусины застучали часто-часто по гулкому дощатому полу зала.

Бусинка первая. Первая любовь

Самое первое воспоминание Александры из раннего детства было о любви. Ей было года два-три, когда родители начали строить свой первый дом в родном селе отца позади дедовского дома.

Новыми соседями оказались очень приветливые тетка Алена с мужем Николаем и сыном подростком Ванькой. «Ванечка» – так сразу назвала его маленькая Саша. «Санечка и Ванечка» – смеялись соседи.

Этот Ванечка сразу стал лучшим другом малышки, может быть, потому что родители девочки были заняты стройкой и младшим братишкой Саньки, и она выглядела заброшенной и одинокой. Ванечка же рассказывал ей разные истории, пел ей свои непонятные песни под гитару, катал на велосипеде и строил для нее замки из песка, которого навезли целые горы для стройки. Лучше Ванечки, пожалуй, у Александры за всю жизнь друга не было!

Когда его забирали в армию, Санька рыдала так, что вся родня не могла утешить четырехлетнюю «подругу солдата». Но случилось то самое счастье, о котором говорит известная пословица «Не было бы счастья – да несчастье помогло»: из-за еще в детстве перенесенной болезни уха Ванечку уже через месяц комиссовали и вернули домой. Но на радостях Ванечка так активно загулял с девушками, что вскоре женился,

как сказали бы теперь, «по залету». На его свадьбе Санечка радостно кричала вместе со всеми «горько» и во весь голос орала свою любимую песню «Россия – родина моя».

Шли дни, и Санька в силу своего малого возраста сначала никак не могла понять, почему ее такой верный дружок все свое время теперь проводит с этой теткой, которая совсем ей не нравилась, потому что отнимала у ее Ванечки ее, Санькино время. Но, наблюдая за их поцелуями и играми за низким штакетником, совсем не прикрывавшим соседский двор, она все же сообразила, что здесь пахнет предательством, и ее Ванечка уже вовсе не принадлежит ей безраздельно, как раньше.

И снятся ей сны, именно сны, а не сон, потому что этих снов было много. Будто бы в комнате, где спала Саша, под большой деревянной табуреткой с толстыми перекладинами поселилась эта молодая семья. Там, в их малюсенькой комнате все было как настоящее: кровать, стол, стулья, печка. И сами они тоже были настоящие, живые, только маленькие, не больше Санькиной куклы.

В каждом сне обиженной девчонки все происходило по одному и тому же сценарию: когда Ванечка уходил на работу, Санька вытаскивала сопротивляющуюся и орущую молодую жену из-под табуретки и шлепала ее своей ладошкой «пониже спины», пока не просыпалась сама.

Каждое утро Санька просыпалась в слезах, но никому не жаловалась и ни с кем эта маленькая ревнивая женщина

не делилась ни своим сном, ни своим горем. Возможно, если бы в те времена в селе были детские психологи, они бы разглядели в этом и недостаток любви и внимания со стороны семьи девочки, и задатки будущей ревнивой женщины, и способность и стремление этого маленького человечка любить и быть любимой.

А в свои четыре года через два-три месяца Сашенька навсегда забыла и о своей любви, и об этих снах, да и о самом Ванечке. Вскоре, продав недостроенный дом, ее семья уехала в большой северный город: так мама Александры пыталась увезти своего слишком общительного мужа от его сельских подружек и дружков, очень уж отвлекавших его от семейной жизни. Сашеньку захватил совсем другой мир, в котором сформировались совсем другие качества и грани ее личности.

Бусинка вторая. Едем-едем на Урал!

Паровоз на станции ревел и пыхтел, словно торопил решившихся на дальнейшее путешествие пассажиров поскорее тронуться в путь. С каждым вздохом черного чудовища из его трубы вырывалось огромное грязновато-белое облако пара и сразу растягивалось хвостом и опускалось, окутывая туманом жавшихся друг к дружке, растерянных перед дальней неизведанной дорогой папу, маму и двух перепуганных детишек четырех и пяти лет, как будто хотело защитить их от грозного черного пыхтящего монстра-паровоза.

Так Санькина семья коренным образом меняла свою жизнь. Продав за бесценок едва достроенный свой первый семейный дом, они уезжали на север, на Урал, в большой промышленный город, полный горнодобывающих и химических заводов и эков (так называли заключенных), потому что вся округа была опутана цепью тюрем, лагерей и поселков для осужденных поселенцев.

Что толкнуло их на этот шаг, Санька тогда в свои пять с половиной лет не знала и воспринимала поездку не как переезд на новое место жительства, а как приключение. Сейчас, накануне своего выпуска из школы, она она понимала, в чем причина смены места жительства. Они рассчитывали, что деньги, вырученные за дом, помогут им создать фундамент новой жизни, а «северная» зарплата позволит, наконец,

выбраться из нищеты. Но зарплата оказалась далеко не «северной», а все деньги за дом испарились во время реформы 1961 года!

Санька помнила, что часто на ужин мама делала очень необычное блюдо, которое она называла смешным словом «тюря»: мама крошила сухари в большую чашку и обдавала их кипятком, потом сдабривала это подсолнечным маслом и посыпала сахаром. Эта «тюря» почему-то очень нравилась детям. Но когда Санька уже подростком попробовала приготовить давно позабытое в их сытой кавказской жизни лакомство, есть его она не захотела (может, сухари или масло были не такими?).

Наверное, неслучайно запомнилось ей из той северной жизни одно «священнодействие»: мама ежедневно давала им с братом рыбий жир, потому что они были слабенькими и болезненными. Но этот противный рыбий жир они соглашались пить, только если разрешалось заедать большой столовой ложкой изумительного клубничного конфитюра: огромные красные ягоды, пропитанные сиропом, жирные и прозрачные, выдавались только в придачу с рыбьим жиром, в другое время огромная жестяная банка с конфитюром пряталась под замок.

В общем-то, дети не замечали бедности, и только в воспоминаниях осталось, что Санька и приехавшая к ним на целый учебный год младшая мамина сестра, четырнадцатилетняя Зоя, спали вдвоем на составленных вместе двух фанер-

ных ящиках из-под спичечных коробков. А первый диван купили только через год для братишки. Все это воспринималось, как должное: в их бараке все жили бедно. Саньке запомнился еще один эпизод. Когда семья еще только приехала на север, остановились они в небольшом бревенчатом доме у дальней родни, которая и сманила их в этот вояж. Первые дни все шло хорошо, но Санька помнит, после чего их семья срочно переселилась в совсем другой дом на противоположном конце города. Однажды вечером, когда обе семьи были в сборе и готовились ужинать, хозяйка вдруг запретила им садиться за общий стол, и они вчетвером ужинали на табуретке у двери, присев на корточки. Какова была причина такой внезапной нелюбви и унижения, дети, конечно, не знали, но свою радость от переезда в другой дом Санька помнила. Видимо, действительно, родственники не очень были рады их присутствию в доме. Может быть, благодаря этому событию из ее детства Санька не слишком старалась сблизиться с любыми своими родственниками, усвоив, что люди делятся не на «родных» и «чужих», а на «хороших» и «плохих». И все последующие события только утвердили это ее убеждение.

Дом, куда переехала семья от родственников, был тоже бревенчатым, но имел два этажа, один из которых полностью был сдан их семье. Хозяйкой этого дома была очень приветливая старушка, которая все время баловала детей то сладким печеньем из картошки, то вареньем из дикой малины.

Иногда она даже приглашала всю семью на ужин, а главное, разрешила завести кота, играть с ее собакой и бегать по всему большому двору. Комната на первом этаже (хозяйка занимала второй этаж) была просторная и теплая, с большой печкой посередине и тремя окнами.

Когда родители получили комнату в бараке на другом конце города, Санька очень не хотела переезжать, но на новом месте жить было дешевле, барак стоял почти в центре города, и, главное, рядом была школа, а Саньке уже пора было идти в первый класс.

В их бараке был длиннющий общий коридор и целых 24 комнаты, в которых жили очень непохожие друг на друга семьи: напротив жила семья с маленькой болезненного вида девочкой, которая почему-то каждый день приходила к Санькиной семье в комнату и что-то очень необычно вкусно жевала. Синюшный цвет лица и большие круги под огромными синими глазами делали лицо девочки почти трагичным. Такой трагичной была и ее судьба: через полгода девочка умерла, ее хоронили всем баракom, и эта первая в жизни Саньки такая близкая смерть потрясла ее и запомнилась навсегда.

Через три двери от комнаты Саши жила немецкая семья. Высланных на Урал немцев в городе было много, но откуда знать об этом могла семилетняя девочка? То, что это были немцы, очень занимало пытливым Санькин ум, наверное, поэтому мальчик Алик с черными кудрявыми волосами

очень возбуждал любопытство Саньки. Во всех играх «в семью», когда вся детвора в беседке во дворе строила из одеял и покрывал свои «семейные квартиры» и делилась на пары, Санька очень ревниво старалась привлечь «мужья» именно Алика. Это ее желание очень не нравилось соседскому хулигану Витьке, и он каждый раз лез в драку с красивым Аликом за право быть Санькиным «мужем». Тот легко уступал свою привилегию, что в свою очередь уже не нравилось Саньке. Почти каждый раз «семьи» разбегались с ревом и драками – и это так похоже было на реальную жизнь взрослых в бараке!

Но вскоре в их жизнь снова ворвалась беда: красавица мама Алика, работавшая на стройке бетонщицей, как судачили соседки, надорвалась, подняв тяжелое корыто с раствором, и умерла в страшных муках. Такой же красивой, в ярком синем платье, она, как живая, лежала в гробу, и было страшно и непонятно детям, почему так с надрывом рыдает над ней папа Алика, а сам Алик с почерневшим ангельским личиком, не отрываясь, смотрит в гроб и молчит. Вскоре Алик с папой навсегда покинули и барак, и город, принешие им непоправимое горе.

А у Саньки появился новый дружок. Одну из комнат в бараке занимал молодой паренек. Он жил один, но в комнате вечно собирались компании, правда, они удивляли соседей тем, что не пили и не шумели. И поэтому не вызывали ни у кого беспокойства, тем более, что в каждой семье в то нелегкое время своих проблем было, что называется,

«по горло».

Санька с братишкой каждый день оставались на много часов одни: папа работал водителем самосвала с утра до ночи, а мама была воспитателем в строительном общежитии, и ее рабочий день начинался в 8 утра; потом она приходила на несколько часов домой, а к четырем снова уходила на весь вечер допоздна в беспокойное общежитие, где основной контингент строителей – это бывшие заключенные многочисленных окрестных тюрем и лагерей.

Она, конечно, сильно переживала за оставленных дома детей семи и шести лет, но другого выхода не было. Однажды ей пришлось искать их в темноте в парке неподалеку, куда старшая сестра Александра увела своего младшего брата «посмотреть на фейерверк». Две хворостинки в руках расстроенной и перепуганной мамы через час отчаянных поисков по всему массиву парка под двойной рев загулявших ребятшек быстро вернули их домой.

Второй случай был уже не настолько безобидным, и подробностей этой истории Санька так и не смогла узнать впоследствии от мамы: до конца жизни мама так и не рассказала Саньке, почему таким громким скандалом закончилась «дружба» общительной девицы Александры с тем самым молодым соседом. Сама Санька почему-то напрочь забыла, почему мама силой вытащила ее из комнаты этого парня, она помнила только, что там было очень весело: дружок играл на гитаре, на столе было много вкусностей, компания смея-

лась и шутила. Правда, когда мама прибежала за Санькой, компании уже не было, Санька и ее дружок были в комнате одни. Почему так всполошилась и раскричалась мама, налетев на парня с кулаками и ругательствами, и почему потом приезжали милиционеры и забрали ее дружка с собой, Санька так и не поняла, и никто ей объяснять это не собирался. С этого дня детей больше одних не оставляли, а через неделю к ним на постоянное место жительства приехала мамина младшая сестра Марина – серьезная и ответственная семиклассница, в чьи обязанности входило присматривать за ребятишками, кормить, выгуливать, развлекать и образовывать Саньку с братом. Сказки и истории, мастерицей рассказывать которые была Марина, Санька запомнила на всю жизнь. Только через много лет в пионерском лагере она встретится еще с одной такой же мастерицей рассказывать истории, не заглядывая в книжки.

Жизнь в центре города подарила детям одно из исключительно городских развлечений: на их улице открыли новый маршрут троллейбуса! Эти блестящие, яркие, с огромными окнами и дверями-гармошками машины влекли к себе всю окрестную детвору. Хохочущие «зайчишки» заскакивали в троллейбус на своей остановке, высматривая сначала, где находится кондуктор, которая не успевала за один пролет между остановками пройти весь салон, и шустро выскакивали на следующей остановке. Так можно было кататься до бесконечности! Все это не очень нравилось пассажи-

рам, но поделаться с проворной ребятней они ничего не могли, не ловить же их и не отдавать в руки кондуктора! Оставалось только ждать, пока им это новшество надоест.

Но помогла зима. В тех краях она начиналась уже в сентябре и заканчивалась в мае. Зимой у детей появлялись совсем другие занятия, потому что зимой выпадал снег, и его было так много, что каждое утро начиналось с раскопок: папа с лопатой с трудом выбирался на улицу, откапывал входные двери, за ним выбирались другие мужчины и откапывали свои окна. Постепенно в комнате становилось светлее, через очищенное от снега стекло снова становилась видна сначала лопата и папина согнутая фигура, а потом и улица.

После завтрака дети спешили в соседский детский сад, где была сооружена самая большая снежная горка, с нее можно было кататься всем, и каждый находил свой «вид транспорта» для спуска с горы: у самых везучих были надутые автомобильные камеры, а остальные довольствовались фанерками, алюминиевыми тарелками и даже портфелями.

В облепленной снегом одежде, красные от мороза и шумные от возбуждения к обеду дети прибегали домой. Санька всегда помогала накрывать на стол: расставляла тарелки и чашки, сметала крошки с клеенки, раскладывала ложки и вилки, резала хлеб. Санька очень старалась, потому что папа любил порядок, и она со страхом всегда высматривала его в окно, чтобы успеть дочиста вытереть стол, а потом аккуратно, ровно нарезать хлеб. Их веселого и шутливого

в чужих компаниях папу почему-то дома всегда очень раздражало все, что сделано было не по его правилам. Однажды неровно отрезанный хлеб привел к настоящему скандалу. Что на самом деле разозлило папу перед обедом, неизвестно, но, увидев откромсанную буханку, он схватил Саньку за плечи и так тряхнул, что она больно ударилась затылком о подоконник. Санька так испугалась, что с того дня хлеб к обеду был всегда нарезан ровно и красиво, а появление папы за окном напрягало в хлипкой Санькиной фигурке каждый мускул от ожидания очередной вспышки гнева.

Папа всегда был несдержан и скор на руку: доставалось и маме, и детям, иногда и друзьям в гостях. Это теперь Санька начинала понимать, что этого наделенного от природы амбициями и чувством собственного достоинства мужчину грыз изнутри синдром «маленького человека». Сумев же-ниться, будучи простым конюхом, на учительнице с высшим образованием, которую даже его отец называл по отчеству, он сам так и не смог дотянуться до нее ни интеллектом, ни образованностью, ни, что самое для него обидное, статусом в обществе да и среди своих же родственников. Она всегда была для всех Анной Ивановной, а он оставался лишь Колькой, в лучшем случае – Николаем. И вымещал он свой комплекс по-своему, как умел.

Все же мама старалась, насколько это было возможно, поддерживать его мужское эго: на деньги от продажи дома они приобрели мотоцикл, и папа мог красоваться в выходной

день перед дворовыми мужичками своим железным конем (это были времена, когда не только автомобиль, но даже мотоцикл был редким приобретением!). Санька помнила, как чудесно было ехать по улицам между папой и мамой (брат помещался впереди отца на бензобаке). Они иногда выезжали на водохранилище на так называемые «маевки»: в лесу на берегу громадного Камского моря большая компания накрывала общий стол, жгли костры, играли в мяч и бросали в воду камешки.

Но все же главным событием их уральской эпопеи был Санькин первый класс. По счастью, школа находилась совсем рядом. Почти весь учебный год вставать нужно было в полной темноте, по дороге в школу Санька разглядывала звезды, и все первые уроки в классе был включен свет, а за окнами продолжалась северная ночь. Ничего удивительного нет в том, что однажды мама неправильно завела будильник и подняла Саньку на два часа раньше. Подойдя к школе, Санька очень удивилась: возле школы было пусто, света в окнах не было. Она дернула ручку двери – заперто. Наконец из дверей вышел заспанный сторож и уставился на девочку:

- Ты чего так рано заявила?
- Я в школу.
- Ну, куда в школу? Еще только 6 утра!
- А что же мне делать?
- Домой идти – досыпать, что делать!

И Санька поплелась назад. Дома уже успели разобраться в столь раннем подъеме, мама готовила завтрак, а тетя стояла в шубке у двери – собиралась возвращать Саньку домой. Все обрадовались, что Санька вернулась сама, проверили будильник и сели завтракать: досыпать уже не было смысла.

Вообще-то сборы Саньки в школу по утрам превращались в детектив для всех членов семьи. Для них с братом были куплены два стульчика, на которые на ночь они должны были сложить свои вещички. Так вот у брата на стульчике перед сном появлялась аккуратная стопочка вещей, под стульчиком стояли носочек к носочку ботинки и тапочки, а вот на стульчик Саньки были абы как накинута платье и кофточка, под стульчиком кое-как была засунута обувь, а чулочки по утрам по всей комнате искали всей семьей. Как мама ни боролась с привычкой Саньки раскидывать все вещи и школьные принадлежности как попало – ни маленькая, ни взрослая Санька так порядку и не научилась! Все члены семьи вечно бились над вопросом: как в одной семье с разницей в год могли родиться такие разные дети?

Уральская эпопея, закончившаяся для их семейства бесславным и безденежным возвращением на Кавказ после денежной реформы, все же стала для Саньки важной вехой: первые друзья, первое понятие о плохих и хороших людях, первый класс и первый большой город с его шумом, суматохой, широкими проспектами, высокими домами и троллейбусами. С этих пор Санька всегда мечтала и видела себя

во снах жительницей большого города.

Бусинка третья. Новая школа

Была середина октября, когда Сашу, наконец, из-за нового переезда семьи на очередную частную квартиру, смогли устроить во второй класс в самую большую школу станицы, благо она находилась почти рядом с домом. Но проводить ученицу в новую школу в самый первый день было некому: папа в очередной командировке, а у мамы-учительницы другой школы уроки тоже начинались в восемь утра.

Маленькая девочка с большим красным портфелем и длинными косичками с белыми бантами испуганно пробиралась вдоль огромной стены в школьном дворе. Прежняя Санькина школа, в которой она начинала свой 2-й класс с 1 сентября, была маленькой и уютной, в ней учились дети до 4-го класса, и все уже казалось своим. Там у Сашеньки осталась любимая учительница, множество новых подружек и кукольный кружок; со сказкой «Теремок», в которой Саша исполняла роль Лисы, ребята успели даже несколько раз выступить в ближайшем детском саду.

Ее новая школа была чужой и огромной. В просторном дворе ждали звонка и шумные подростки и стайки взрослых старшеклассниц; за углом, сгрудившись в плотный кружок, тайком курили парни; малышня-первоклашки визжали и играли в догонялки; с криками в «выбивного» сражались шестиклассники. Отдельной группкой стояли девчонки

ее возраста и о чем-то щебетали. Саша отметила среди них девочку с очень светлыми кудряшками у висков и пушистыми косичками, связанными на затылке аккуратной «корзиночкой». Саньке хотелось, чтобы эта девочка оказалась в ее новом классе, но подойти не решилась.

Все они были «своими» в этом новом, чужом для Сашеньки мире. Она все так же испуганно, по стеночке двигалась в сторону входной двери, и тут зазвенел звонок.

Весь разновозрастный двор шумно ринулся к распахнутым дверям в надежде проскочить первыми, но, на удивление, пробка в дверях довольно быстро рассосалась (многообразный ежедневный тренинг?), и Саша проскользнула в темный после яркого солнца коридор. Утром мама подробно объяснила ей, где находится ее 2 «А», но в незнакомом коридоре девочка перепутала одинаковые двери. Все ученики уже сидели за партами, и учительница удивилась еще одной ученице:

– Ты к нам? Новенькая? Мне никто не сказал об этом.

– Не знаю. Я во 2 «А», – едва слышно прошептала Саша. Класс зашелестел, а учительница улыбнулась:

– Ну, тогда тебе в соседний класс!

Александру охватило сложное чувство: ей было стыдно, что она заблудилась, ей было страшно в чужой школе и очень обидно, что мама не привела ее за руку в нужный класс! А еще ее охватило разочарование, что эта улыбчивая учительница, так напомнившая ей ее любимую Веру Петров-

ну из прежней школы, не в ее классе. Учительница увидела замешательство и растерянность девочки, и, взяв ее за руку и наказав своим ученикам сидеть тихо, повела Сашеньку в соседний класс.

– А-а-а, это наша потерявшаяся! Ты Александра Макарова? Опаздываешь! – не очень приветливо воскликнула очень пожилая, одетая в черное платье учительница (как потом узнала Саша, ее новая учительница уже 20 лет не снимала траур и ходила в черном после получения похоронки на мужа в 1942-м году).

– А я уж думала, ты не придешь! Ты одна? А где же мама? У Сашеньки от строгого тона и всего пережитого уже не было сил объяснять, что мама – учительница, и у нее свои уроки в своем 2-м классе совсем в другой школе, что отвести ее в школу больше некому и что ей очень одиноко и страшно в новой школе... Она просто громко расплакалась.

Девочка с предпоследней парты с очаровательными белыми кудряшками, та самая, которую Саша отметила во дворе, протянула Саше руку:

– Садись со мной, я сижу одна. Тебя как зовут? Меня – Лариса.

– Са... са... ша... – пролепетала Александра и с благодарностью оглянулась на ту учительницу, что привела ее в класс.

– Так, все, прекрати реветь и садись, ты теперь среди своих, – все тем же жестким тоном продолжала учительница. – Ребята, у нас новая ученица – Александра Макарова, позна-

комитесь на перемене, а сейчас пора начинать урок!

Бусинка четвертая. Этот волшебный мир!

Класс, в который попала Сашенька, был беспокойный, но дружелюбный. Как в любой класс с литерой «А», в него еще при формировании списков поместили детей учителей и другой местной интеллигенции, а также отпрысков различных руководителей районного масштаба.

Только спустя много лет Александра смогла оценить свою удачу: в классе работали самые сильные учителя, а постоянное общение с интеллектуально развитыми одноклассниками заставляло тянуться к их уровню знаний и заботиться о своем авторитете. Знания, таланты и успехи в этом классе были в чести, как сейчас бы выразились современные дети – было «круто» слыть умным! Было стыдно чего-то не знать, оказаться хуже всех в своих действиях или поступках, дружить не с теми, ходить не туда. В общем, хотя эти негласные законы давили, но держали в тонусе, а главное, заставляли все время идти вперед и открывали новые, до этого незнакомые Сашеньке сферы жизни.

В один из теплых осенних дней, гуляя без дела на улице, Саша встретила свою новую подружку по парте Ларисой. Даже сейчас, в ноябре, погода стояла сухая, солнце еще хорошо грело, в парке и на тротуарах все еще шуршали под ногами ворохи желтых и красных листьев.

– Пойдем погуляем? – предложила беспечно Саша.

– Пойдем, только сперва зайдём в библиотеку, – мне нужно поменять книжки.

– В библиотеку? Это что такое? – Санька в свои 8 лет пока с этим словом не встречалась: в доме у них было много детских книжек, и необходимости брать новые где-то ещё в их доме не ощущали.

– Ну что ты, – удивилась Лариса, папа которой был военным, и многочисленные переезды из одной воинской части в другую делали невозможным перевозить с собой большое количество книг. В их доме с пеленок привыкли пользоваться книжками напрокат, – библиотека – это же так много интересных книг, ты даже представить не можешь, как их там много! – вздох Лариса расхваливала библиотеку. – Пойдем скорее – и тебя запишем!

Девчонки, взявшись за руки, запрыгали по листьям в центр парка, где в районном Доме культуры размещалась и детская библиотека. Очень приветливая немолодая женщина с радостью записала новенькую второклассницу и выдала две специально подобранные книжки:

– Я думаю, что тебе будет интересно. Не забывай, что ровно через две недели книжки надо поменять, так что прочти их за это время. И помни, что я тебя буду ждать здесь в любое время!

Такое уважительное и внимательное отношение взрослого человека очень тронуло девочку, она сразу почувствова-

ла, хотя еще не смогла бы объяснить или понять этого, что в ее жизнь ворвался еще один большой, важный, значительный *мир*, который будет помогать ей на протяжении всей ее жизни.

Книжка о приключениях маленькой рыбки в опасных водах огромного океана потрясла Саньку, она, не отрываясь, прочла книжку за несколько часов, затем буквально «проглотила» вторую книгу, и только мамин приказ немедленно погасить свет и лечь спать остановил это абсолютное погружение в невероятный мир, который получил еще одну свою фанатичную поклонницу.

В школьные годы Александра так много читала, что действительность, открывающаяся в книгах, была для нее более реальной и привлекательной, чем та, которая ее окружала. Этот разнообразный и романтичный мир долгие годы формировал и ее отношение к людям, и ее представление о любви, и ее взгляды на окружающую действительность.

Бусинка пятая. Любовь под партой и не только

За последней партой, позади Саши и Ларисы, сидел Колька. У него были блестящие черные глаза и жесткий темный чуб, а главное – застенчивая улыбка, которой он встретил испуганную новенькую одноклассницу год назад. Он всячески старался попасть Саше на глаза, дергал ее за косички на уроках, плевался пшеном через трубочку на переменах и тайком подсовывал конфеты на сиденье парты.

Учительница, заметив его поведение, устроила большую пересадку учеников в классе, и в этой перемене мест никто, кроме самой учительницы и Кольки, не увидел конечной цели рокировки: Колька теперь сидел за одной партой с Сашенькой! Та скорее была рада этому обстоятельству, хотя за год успела привыкнуть сидеть с Ларисой. Теперь даже на уроке Колька мог иногда держать руку предмета своего обожания в своей ладони... И умирать от счастья!

После своей детской любви к Ванечке, погубленной его предательством, Санька больше не испытывала нежных чувств ни к одному из мальчишек, а главное, никто из представителей мужского пола не проявлял такую нежность к ней – и ее сердце растаяло. Она даже рассказала Ларисе про свои ощущения, и та активно принялась устраивать Санькино счастье: подружка решила организовать признание в люб-

ви.

Когда закончились уроки, они с подружкой позвали Кольку, и по дороге домой Лариса подтолкнула Саньку в спину: – Ну, давай, говори! Скажи ему: я тебя люблю!

Почему-то у такой решительной до этой минуты Александры вдруг совсем пропал голос, душа ушла в пятки, ей стало так стыдно, будто ее слова могли слышать все люди на Земле, и мама, и все одноклассники, и все соседи – и ни одного звука произнести она так и не смогла. Тогда Лариса, которая была уверена в своей миссии, буквально за ворот подтащила Саньку к лицу так ничего и не понявшего Кольки:

– Ну, тогда хоть целуй его, что ли! – Лариса уже отчаялась добиться от перетрусившей Саньки хоть каких-либо действий. Зачем ей это было нужно, и где она набралась таких знаний, Александра не задумывалась, но «помощь» подруги еще больше смутила девчонку – и любовь испарилась, исчезла, прошла бесследно!

Когда через несколько лет Саша пыталась вспомнить, заканчивал ли Колька школу в одном с ней классе или ушел в училище еще после восьмого, она так и не вспомнила. Недолгая школьная любовь рассыпалась под напором активной дружеской «помощи».

А уже через несколько месяцев Санька вздыхала совсем о другом мальчишке. В школьном хоре, куда ее привела учительница, пели ученики третьих и четвертых классов. Запевалой был четвероклассник с голосом Робертино Лоретти

и внешностью маленького Ильича на октябрятской звездочке, только его кудри и глаза были черными, а не рыжими. Этот голос и эти черные кудри свели с ума не одну только Саньку: все девчонки в хоре не пропускали репетиции, когда там был Толик.

Третьеклассница Александра стояла в третьем ряду и сверху могла видеть только кудрявую макушку солиста и слышать его божественный голос. Эта беспомощность толкнула ее на безумный поступок – она написала ему записку: «Толик, давай с тобой дружить» и передала ему в класс через его одноклассницу.

На следующий день она уже разворачивала драгоценный листок с ответом, но ответ поверг ее в отчаяние и вызвал новую волну стыда. «Чертова дура, – писал Толик, – если ты еще раз мне напишешь, я расскажу учительнице».

Санька больше не пошла на хор, несмотря на все уговоры учительницы, которая не могла понять причину упрямства девочки. А та несколько дней тихонько грустила, старалась на переменках не выходить из класса, чтобы не встретиться с «неблагодарным и злым» Толиком, проклинала и свою любовь, и своего возлюбленного, насылала на него все беды мира, но скоро... забыла.

Талантливый мальчик из музыкальной семьи, так высокомерно и грубо отвергнувший любовь простой хористки, впоследствии так и не стал великим, прожил жизнь пьющего провинциального баяниста в своем районном центре, за-

рабатывая на свадьбах и корпоративных пьянках. А третьеклассница Александра хорошо усвоила урок и больше никогда не открывала мужчинам своих чувств первой.

Бусинка шестая. «К борьбе за дело...»

Самые яркие воспоминания о детстве и самые значительные в детстве события, повлиявшие на всю ее жизнь, связаны у Александры с Пионерией и Комсомолом. Если бы в ее жизни не случилось членство в этих двух организациях, то вряд ли из очень тихой, замкнутой и одинокой девчонки получилась бы та открытая, уверенная, общительная и самодостаточная женщина, которая смогла выстроить свою судьбу без спонсоров и знакомств, смогла реализовать все свои таланты и даже быть опорой близким, советчиком и защитником чужим и нуждающимся в ее поддержке людям.

А начиналось все с торжественной линейки у памятника Ленину в скверике станицы, когда вожатая повязала Александре простой штапельный красный треугольник – ее первый пионерский галстук.

Саша даже представить себе не могла в тот момент, что ее безмерная гордость (пальто нараспашку, чтобы все видели: она теперь взрослая, она —пионерка!) за принадлежность пионерской организации станет ее судьбой на полжизни. Эта гордость еще не раз переполнит ее сердце: и когда на главной площади Грозного в одном мощном порыве вместе с шестьюстами такими же вожатыми со всей республики будет давать обещание «жизнь свою посвятить Пионерии», и когда будет получать каждую из наград за работу с пионерами

и за заслуги перед Комсомолом.

А в тот памятный день после линейки они вдвоем с подружкой Галькой пробежали по всей центральной улице станции, вытащив галстук поверх пальто и специально поправляя его, когда навстречу попадались люди, чтобы привлечь их внимание к предмету своей гордости.

Родители Гальки ждали их дома, чтобы отпраздновать событие: мама испекла пирог, папа купил мороженое и лимонад.

– Ну что, девчонки, – папа Гальки встал с бокалом лимонада в руке, – это ваш первый самостоятельный шаг в жизни – вы вступили в свою организацию, будьте ответственными и всегда выполняйте данные сегодня обещания.

Галькин папа был военным (в их классе было много детей военных, потому что в станице стояла большая ракетная воинская часть и был военный аэродром), часто дежурил сутками, но иногда вечерами помогал Гальке учить уроки. Санька часто забегала с трудными арифметическими задачами и была в этой семье почти своей. Как все дети этого возраста, Санька имела короткую память и позже не могла вспомнить, в каком классе Галька вместе со своим замечательным папой внезапно исчезли из ее жизни, потому что прапорщика Степанова просто перевели в другой военный округ, но теплые семейные вечера с обязательными пирогами Галькиной мамы Санька не забывала никогда.

Сейчас, перебирая жемчужины, Александра не могла

вспомнить, как ее собственная семья отреагировала на ее вступление в пионеры, и был ли праздник у них дома...

Бусинка седьмая.

Великая сила примера

– Боже мой! Да что же это за почерк? Твои буквы похожи на бешеных тараканов! – учительница держала Сашину тетрадь и ее возмущению не было границ. – Как можно так писать? Ты нарочно их уродуешь, что ли?

Ольга Михайловна учила детей читать и писать больше 30 лет и видела всякое, но чтобы девочка обладала таким почерком и не старалась хоть немного исправить его – это было для нее впервые. Она почти каждый день записывала замечания в Санькиных тетрадях, надеясь, что ее мама – тоже учительница начальных классов – повлияет на дочь, она заставляла Саньку переписывать целые страницы, но ничего не менялось.

Санька никогда не отличалась усидчивостью, всегда старалась поскорее избавиться от дела, поэтому все делала быстро и небрежно, как будто старалась сберечь время для более интересных и важных дел, все время поджидавших ее за дверью. Ярким примером Санькиной небрежности были рядом стоящие стульчики для одежды: ее и младшего братишки. Перед сном Егорка всегда складывал свои вещи в аккуратную стопочку, ботинки стояли ровно, игрушки были разложены по коробочкам. На стульчике Саньки вещи были накинуты скомканной кучкой, а туфли и чулочки утром

разыскивала вся семья. Так же было и с почерком. Буквы наползали друг на друга, были искривленными и корявыми, их едва можно было узнать. С этой бедой боролись все: мама каждый день приносила тетрадки своих лучших учеников и подсовывала их Саньке для примера, тетя разрисовывала странички дополнительными квадратиками, чтобы Саньке было легче выравнивать каждую букву, и держала Санькину руку в своей, вместе выводя непослушные линии... Ничего не помогало! И, когда мама в 4-м классе уже смирилась и высказала мнение, что, видимо, ее дочь так же гениальна, как Ленин и Пушкин, так как у них тоже был плохой почерк, Сашу посадили за первую парту к однокласснице Танюшке, у которой был самый красивый почерк во Вселенной. Танюшкины буквы были выстроены, как солдаты на параде, каждая из них была будто нарисована художником: с красивыми завитками, ровными линиями и четким нажимом – просто идеальные!

Санька заворожено следила, как быстро и легко Танюшкина ручка выводит похожие на ровные шкафчики буквы, и ей стало обидно за себя: «А я что – не смогу так?» Ей вдруг очень захотелось научиться выстраивать и в своей тетради такие же ровные ряды, а главное, так же легко и непринужденно. Она изучала, как Танюшка держит ручку, копировала каждую отдельную букву и долгими часами потом дома переписывала каждую букву сотни раз, на уроке не отрывала взгляда от кончика пера Танюшки, списывала целые тетра-

ди – и у нее получилось!

Спустя месяца три ее тетради можно было показывать на выставках. Трудно поверить, но, если следовать мнению ученых, которые считают почерк отражением личности человека, то придется признать, что маленькая Александра в свои 11 лет усилием воли и огромным желанием за несколько месяцев изменила и упорядочила свою личность.

Как бы то ни было, но Санькин почерк с этих пор стал удивительно красивым независимо от того, быстро она писала или старалась выводить каждую букву.

Бусинка восьмая.

Первое «взрослое» лето

– ...В крошечной темноте кто-то бесшумно подкрался к его постели: «Отдай золотую руку!!!» – до этой фразы тихо и монотонно звучавший голос Таньки в абсолютной темноте палатки, в которой, замерев, слушали ее очередной рассказ с десятков девчонок и пара мальчишек, вдруг взлетел до визга.

– Ой-ой-ой! Мамочки-и-и! – еще более звонким визгом отозвалась вся девчоночья спальня, разбудив весь лагерь. Ночные гости посыпались врассыпную по своим палаткам, в страхе быть застигнутыми разбуженными воспитателями.

Почти каждую ночь после отбоя в палатке пионерского лагеря «Смена», куда Саньку после окончания пятого класса впервые отправили отдыхать, собирались не только «хозяйки» кроватей, но еще несколько соседок и даже мальчишек (они, кстати, очень проворно прятались под кроватями, на весу держась за сетки, если их во время обхода заставляли вожатые).

Причиной таких ночных посиделок были необыкновенно талантливо рассказываемые занимательные истории Санькиной новой подружки – симпатичной, умной и удивительно смелой Таньки из Грозного. Танька была девочка городская, из семьи руководителя республиканского масштаба и, хотя

им обеим недавно исполнилось по 12 лет и они были ровесницами, Танька была «на целых три головы» смелее, развитее и общительнее. В свете Танькиной радуги, как будто окутывающей эту девочку, Санька и себя начинала ощущать умницей и красавицей.

Пионерский лагерь «Смена» принадлежал колхозу – миллионеру, расположен был в колхозном винограднике (куда на «тихом часе» тайком сбегало пол-лагеря) на берегу речки Сунжи всего в двух километрах от станицы и явился первым для Саньки опытом самостоятельной жизни.

Она впервые поселилась в общей спальне – простой брезентовой палатке на кирпичном постаменте. В палатке почти рядом стояли восемь кроватей с железными сетками и пара тумбочек на всех. Душ, умывальник и другие удобства были на улице под навесом, и только столовая, клуб и большая пионерская комната находились в симпатичных стационарных зданиях. Все свои наряды девочки вывешивали на плечиках, цепляя крючками за верхние перекладины палатки. Но такой аскетичный быт не пугал девчонок 60-х годов, а оставленный на месяц домашний уют им заменяли общение с новыми друзьями, романтика вдруг обретенной относительной свободы от надзора родителей и не испытанные ранее впечатления от ночных костров с общими песнями на поляне, рискованных военизированных игр на природе, вот таких тайных ночных посиделок с участием мальчишек и... танцев! В свои 12 лет Санька впервые ходила на танцевальные вече-

ра и, замирая, ждала приглашения на медленный танец под «Аргентинское танго» от приглянувшегося мальчишки.

До своей дружбы с Танькой здесь в лагере всю свою девичью жизнь Санька считала себя чуть ли не «серой мышкой», она ничем особенным пока не выделялась среди одноклассников, родители не баловали ее нарядными платьями, дома никогда не велись разговоры о внешности, кроме того, что волосы должны быть чистыми и заплетенными в косы, зубы почищенными, платье выглаженным... У Саньки не было никаких модных штучек: красивых платочков и заколочек, брошечек и колечек, не было модных туфелек и кофточек, не покупались бигуди для волос или крем для лица. Мама считала, что у школьницы должны быть школьная форма и платье «на выход» – и все! Что все эти сокровища могут быть у любой девчонки, она увидела в лагере, и ей до слез захотелось стать больше девочкой, нежели просто ребенком или школьницей.

Вообще-то в лагере девчонки охотно делились всем этим богатством, ежедневно обменивались кофточками и платьями, и казалось, что все они – обладательницы обширного гардероба. Однажды, увидев Саньку в красивом платье и с кудрявым хвостиком вместо косички, Танька произнесла: – А ты очень даже симпатичная!

Этот первый в жизни комплимент, сделанный такой девчонкой да еще и прилюдно, в присутствии подружек, так поразил Саньку, так приподнял ее в собственных глазах,

что с тех пор она старалась действительно выглядеть хорошо: следила за прической, украшала свою скромную одежду и стала чаще смотреться в зеркало. Чтобы не разочаровать Таньку. Ну и для себя, конечно.

И спустя много лет Александра помнила эту Танькину оценку своей внешности, а в тот год после лагеря начала подбирать для себя на немногие карманные деньги, что папа всегда выделял им с братом на праздники, те доступные девичьи мелочи, которые увидела у девчонок в лагере: то заколочку, то колечко, то очищающий крем для лица, и прятала их от мамы, боясь, что не поймет.

Жаль, что после той смены в лагере след такой замечательной подружки из Грозного затерялся навсегда: то ли потому, что телефона в доме Саньки не было, то ли память девичья действительно короткая, то ли до дружбы она тогда еще не доросла. Потерю такой подружки так никто и никогда в Санькиной жизни не восполнил. Но ее пример, ее рассказы и ее слова о Санькиной внешности запомнились навсегда.

Бусинка девятая.

«Музыка нас связала...»

Со старинной веранды в доме на окраине железнодорож-
го курортного парка доносились тонкие детские голоса, они
пели и пели на удивление правильно очень непростую взрос-
лую песню: «Россия, Россия, Россия – родина моя!» Курорт-
ники, спешащие на водопой к ближайшему Славяновскому
минеральному источнику, заинтересованно останавливались
перед низенькой скамеечкой, на которой в вылинявших фла-
нелевых рубашонках и штанишках сидели певцы – мальчик
и девочка трех и четырех лет. Это они, плохо выговаривая
трудные слова, правильно выводили не менее трудную мело-
дию высокими чистыми голосами. Эту картинку Саша ярко
представляла по маминым и бабушкиным рассказам, но зву-
ки песни и сказанные однажды слова курортницы она пом-
нила сама: «Детишек надо в музыкальную школу». Был ко-
нец 50-х годов, дети большую часть года жили на попече-
нии бабушки, пока их родители, едва сводя концы с концами
в деревне, куда молодая учительница попала по распределе-
нию, строили дом и разбирались в отсутствие детей в своих
запутанных отношениях.

«Какая музыкальная школа, – думала про себя бабушка, –
было бы чем прокормить.» Но курортнице не возразила: ку-
рортники на квартире – деньги в дом!

Так впервые Александра получила высокую оценку своих музыкальных способностей. Когда изредка они все же попадали в деревню к родителям, то у Саньки ежедневно повторялся один и тот же ритуал: посреди дня она ни с того, ни с сего начинала громко кричать, причем со слезами и истерикой, за что мама на время отправляла ее в сарай под замок. На окрик мамы: «Замолчи!» Санька отвечала: «Не буду молчать!» «Ну, ори!» – в сердцах говорила мама, не в силах привыкнуть к постоянному крику. «Не буду орать!» – рыдая, отвечала Санька. «Не буду орать! Не буду молчать! Не буду орать! Не буду молчать!» – наконец-то рёва находила нужную формулу выступления – и так продолжалось не меньше часа. Потом она стучала в дверь сарая, как ни в чем ни бывало: «Мама, я уже!» Это значило – закончила. Спустя много лет, слушая жалобу мамы на это невыносимое поведение, Саша, смеясь, отвечала, что этими «распевками» она голос тренировала.

Надо сказать, что у нее получилось. В школе ее пение всегда хвалили, ставили в программы мероприятий, привлекли в школьную самодеятельность.

И вот однажды в 7-м классе на перемене в двери заглянул десятиклассник Андрей. Он был популярной личностью, руководил только входящим в моду вокально-инструментальным ансамблем, и знакомства с ним и его друзьями-музыкантами искали все старшеклассницы не один год. Андрей пришел пригласить Сашу солисткой в ансамбль. Это

было невероятное предложение! Статус Александры в глазах всех учеников школы, и одноклассников в том числе, взлетел до небес!

Саша, конечно, с радостью согласилась и после уроков почти каждый день стала пропадать на репетициях. Это были лучшие парни школы: красивые, веселые, музыкальные, все из хороших семей и к тому же отличники. Здесь Александра открыла для себя «Лунную сонату» Бетховена в реальном исполнении пианиста Юрия. Санька впервые слушала хорошую музыку, непосредственно стоя у фортепиано, а не по телевизору или радио. Эта музыка рождала в ее неизбалованной и девственной в смысле культуры душе что-то большое и светлое и в то же время глубоко печальное. И эти новые ощущения делали ее неожиданно взрослой, более чувствительной и нежной. Наверное, так в девчонке может просыпаться женщина, но Санька об этом не задумывалась, просто ей было очень комфортно в компании таких талантливых и умных ребят, и она ни за что не согласилась бы потерять их.

За тот последний для парней школьный год они пережили вместе много успешных событий: играли на школьных вечерах, ездили с концертами по колхозным клубам и бригадам в полях, даже совершили поездку на областной фестиваль в Грозный и сняли несколько песен на телевидении. Песни в автобусе, поделенный на всех мамин пирог, пирожки с ливером и газировка в буфете телестудии и возвышенная атмосфера театральности и торжественности самого фестива-

ля сроднили таких разных по возрасту и образу жизни ребят и девочек в ансамбле.

Но как гром среди ясного неба – Последний Звонок! До сознания Александры только на общешкольной линейке дошло, что ее замечательные мальчишки, ее кумиры, ее музыканты уже уходят навсегда, что ее история в ансамбле закончилась!

Это была страшная потеря. Санька убежала с линейки, рыдая, примчалась в ставший ненужным класс, где в это время шел ничемный урок математики. Глядя на одноклассников, она поняла, что ей учиться еще целых три года, а ее друзей все эти три года здесь уже не будет! Не будет репетиций, не зазвучит «Лунная соната», не заскрипят настраиваемые электрогитары, не расскажет смешные истории веселый Андрей – их лидер и душа ансамбля! Она не могла успокоиться. Но в классе никто, и даже строгий математик Василий Владимирович не произнес ни слова, не засмеялся над ее горем, не сделал замечание за сорванный урок: ансамбль в школе любили.

Эта огромная и невосполнимая потеря научила ее никогда ни к чему не привязываться сердцем, не относиться как к постоянному, она больше не воспринимала ни хорошие, ни плохие события своей жизни как устойчивые и надежные. Она решила для себя, что в мире ничего не бывает навсегда, и невидимую защитную стену она каждый раз выстраивала между собой и миром, старалась не привыкать к сво-

им партнерам и коллегам, как привязываются к близким людям. Она всегда помнила: «Все проходит» – и эта Соломонова мудрость иногда помогала ей в трудные моменты жизни. «Все проходит...»

Бусинка десятая. «Бригада»

«А люди идут по свету, им, в общем, немного надо, была бы прочна палатка, да был бы нескучен путь...»

Эту песню, не особенно задумываясь над ее содержанием, часто дружно орал ее класс, сидя на жестких деревянных скамейках в кузове грузовика, везущего их в поле, где колхозникам в очередной раз была нужна помощь школьников на прополке полей или на уборке урожая. Это случалось часто осенью или весной вместо уроков – и это был праздник! Умные и хорошо успевающие Санькины одноклассники не особенно страдали от пропуска уроков. Они легко справлялись с учебными программами, а эти выезды в поле были радостными событиями: не надо сидеть в классе и ждать вызова к доске, не надо делать домашние задания, а вместо этого можно весело орать песни со своими одноклассниками в открытом грузовике, буквально «от пуза» наедаться спелыми помидорами прямо с куста или грызть только что вырытую из земли морковку, слегка оттерев ее от земли об одежду; можно покидаться початками кукурузы на току или поваляться на огромной куче лука на широком колхозном складе. Но главное – можно целыми днями свободно и весело общаться с друзьями и одноклассниками, не опасаясь звонка на урок или замечания учителя. Да и сами учителя здесь были просто взрослыми друзьями, нестрогими и нетребова-

тельными.

А после сделанной работы, достав свои кульки и котомки, заготовленные заботливыми мамами, дружно за общим столом жевать свои запасы или приготовленный бригадной поварихой сытный обед, который в период уборки всегда бесплатно готовился для всех, кто убирал урожай.

Но ни Санька, ни Санькины одноклассники и предположить не могли, какой сюрприз им приготовил колхоз вместе с директором школы: после седьмого класса им предложили месяц или даже два пожить в трудовом лагере, оборудованном на территории одной из бригад в 3—4 километрах от станицы, далеко в полях среди небольшого зеленого массива.

Это было время создания первых школьных ученических бригад, в которых подростки 14—17 лет не только помогали колхозам, но и отдыхали, занимались спортом, да еще и деньги зарабатывали: с каждым из них заключался договор. Все они даже не представляли, забираясь в очередной раз в кузов со своими сумками и узлами с постелью, какое лето им предстоит, сколько новых впечатлений, эмоций, сколько опыта и навыков они приобретут в своей ученической бригаде!

Под густыми деревьями в два ряда, образуя улицу, стояли 16 больших палаток, в стороне была оборудована кухня и пристроенная к ней большая деревянная беседка с полом и штакетником по периметру, в которой стояли длин-

ные деревянные столы и скамейки. В одну стену встроили экран для показа кино, в противоположной прорубили большое окно в кухню для раздачи еды.

В палатках поперек входа до самой задней стенки соорудили нары – большой настил из досок метров шесть в длину и два метра в ширину на высоте полуметра над деревянным полом. Небольшой проход вдоль боковой стенки палатки позволял легко добраться до дальней части настила. На нарах уже лежали встык восемь новеньких матрасов, нужно было только разделиться по 8 человек на «спальню» и договориться, кто в какой части настила будет располагаться. Девчонки быстро расстелили простынки и развесили на плечиках под потолком свои вещички. Мальчишки же, наспех побросав сумки и узлы на нары, помчались осваивать «стадион»: в лагере были выстроены самодельные футбольные ворота из бревен и установлены столбы для волейбольной сетки и баскетбольных щитов с кольцами – это комсомольская организация колхоза постаралась для новоиспеченных «колхозников» из школьной бригады!

Боже мой! Что это было за лето! Конечно, ранний, в шесть утра, подъем и четырехчасовая работа в поле в жаркий день особенного счастья не доставляли, но все остальное...

Пока ехали после завтрака в поле, еще не проснувшиеся девчонки и мальчишки редко пели песни, больше зевали и переговаривались группками, но вот после работы они переорали, казалось, все известные и не очень песни, трясясь

в кузове, наслаждаясь встречным ветерком после жары, пыли и пота в поле. А потом наперегонки бежали к длинным умывальникам, брызгались, обливались, визжали, наслаждаясь холодной водой, отмывая озелененные травой и ботвой руки и ноги; мальчишки мылись прямо здесь, раздевшись до плавок, охлаждая потные лица, шеи и спины; девчонки бежали в отгороженные досками душевые, где вода тоже была холодной, но так приятно в жару было стоять под прохладными нитями и чувствовать постепенное возвращение сил после работы в поле. Ведь эти силы еще *ох как* понадобятся им к вечеру.

После все дружно бежали в столовую: ах, какой вкусный обед готовила колхозная повариха с помощью дежурных!

Дежурство в столовой по графику было не самой приятной обязанностью «колхозников»: надо было встать в четыре утра, начистить картошки и других овощей на целый день на весь лагерь (а это больше ста человек), нарезать хлеб, приготовить всю посуду, потом участвовать в раздаче, собрать, очистить и перемыть все тарелки после завтрака, обеда и ужина, вымыть и почистить в холодной воде все кастрюли и сковороды, а вечером еще и расставить по местам всю посуду, вымыть плиту и подмести в столовой пол. Это было потяжелее работы в поле!

Хотя и в поле им было нелегко, работа свежеиспеченным колхозникам доставалась разная. Иногда их увозили далеко в горы – там были бесконечно длинные ряды подсолнухов,

которые в июне напоминали детишек и росли неровно, кучками по четыре-пять ростков; вот с этими кучками и нужно было бороться: надо было несколько километров идти, наклонясь, и оставлять в каждой такой кучке не больше двух, а лучше – один самый сильный росток, остальные безжалостно вырывать с корнем и выносить с ряда на край поля. Уже на втором километре ребята не наклонялись к земле, а удаляли ростки ногой, подбирая не сразу, а на обратном пути. В такую жару не походишь долго головой вниз! Правда, их никто особенно не торопил, и они часто делали передышки под предлогом «напиться водички», которую им обязательно привозили в небольшой цистерне: вода была чистой и холодной, а передышки были такими приятными! Но самой неприятной работой была прополка: сорняки цеплялись за землю цепко, были колючими и многочисленными, их надо было выдирать с корнем или вырубить тяпкой, не повредив ростки овощей. Санька вместе с ребятами как-то вечером придумали песню, которую потом с удовольствием пели и на машинах, и в лагере, она фактически на ближайшие годы стала гимном их школьной бригады, тем более, что стихи были написаны на очень популярную тогда песню «Хали-гали»:

«Ползу по ряду – какой ужасный ряд!
Рву сорняки я: они как лес стоят,
Джунгли сурепки – не видно в них ребят,
А увидят хоть травинку – возвращают назад!

Тяпку в грязных ладонях вправо-влево верчу
И назад возвращаться ни за что не хочу!
Норма большая, и этим жарким днем
Полю и мечтаю: хотя бы кто помог!
У всех у наших одно желание есть,
Чтобы дождик зарядил хотя бы дней на шесть!»

Да, дождик был спасением порой даже на несколько дней: в поле в дождь и в грязь школьников не водили. Можно было отправиться домой (но, боже мой, зачем же!), можно было заниматься любимым делом: репетировать к мероприятиям стихи и песни, выпускать стенгазету, читать, приводить себя в порядок, играть на стадионе или просто общаться с друзьями. Санька в такие дни отсыпалась. Самое для нее трудное было – это вставать в шесть утра, она долго привыкала, но постепенно втянулась и даже не всегда спала в тихий час после обеда. Да, у ребят был тихий час. Многие мальчишки убегали на стадион, благо он находился вдалеке от палаток, и азартные крики спортсменов не мешали тем, кто спал. А многие девчонки действительно спали после обеда: очень уж непривычно много физических сил забирала работа в поле.

Но зато вечером все были уже полны сил для главного, зачем они сюда приехали – для танцев! Почти каждый вечер, когда не привозили кино, устраивали танцы: кто-нибудь из мальчишек ставил пластинки популярных песен, а девчонки ждали приглашения на танец. Из быстрых были толь-

ко твист и рок-н-ролл, но пластинок с такой музыкой было мало, и поэтому почти все танцы были медленными. И, конечно, за те несколько дней, что они уже прожили в лагере, сложились несколько пар, девчонки из этих пар были спокойны за свой танец, а вот остальные искательно приглядывались к мальчишкам: а вдруг все же пригласит тот, от кого ждешь приглашения?

А вот Санька не ждала приглашения от мальчиков из лагеря.

Во время одной из передышек, в конце ряда в поле, возле лагеря она увидела незнакомого парнишку своего возраста, который сидел на кромке большого водоема на краю поля и пристально смотрел на нее издалека. Саньку почему-то рассмешил его взгляд, и она улыбнулась. Мальчика, видимо, ободрила ее улыбка, он улыбнулся во весь рот в ответ и, подскочив, подошел к Саньке:

– Привет! Ты из лагеря, – утвердительно заявил он.

Саньке еще больше стало смешно: откуда же еще здесь в поле она могла оказаться.

– Нет, я лесная фея, мне в лесу надоело – я в поле пришла! – Санька вообще была хохотушка, а сейчас уже рассмеялась в голос.

– Н-е-ет, я видел тебя в лагере.

– Когда это ты видел?

– Да я уже три дня как приехал и ходил к вам на разведку: кто это тут поселился?

– Так ты подсматривал? – кокетливо-сердито воскликнула Санька.

– Ну и подсматривал! Тут моя территория, я каждое лето здесь у деда на пасеке пропадаю, был хозяином всех полей и лесов в округе, а тут – понаехали, такая толпа поселилась, – тоже игриво-возмущенно произнес мальчишка.

– Да, теперь мы тут хозяева: «все вокруг колхозное, все вокруг мое», – пропела Санька, все так же смеясь.

– А тебя как зовут? А ты откуда? А в каком классе ты учишься? А чем занимаешься? – Санька просто засыпала вопросами мальчишку, и теперь уже смеялся он.

– Ну, ты даешь! Ладно, давай знакомиться, я тут давно за тобой наблюдаю.

– Наблюдатель! Взял бы да помог, а то я отстала – смотри, какой ряд у меня!

– Я помогу, только потом пойдем погуляем, – неожиданно предложил мальчишка, – и все-таки скажи уже: как тебя зовут?

– Санька! Ой, Саша, Александра, – запуталась в своих именах Санька.

– Очень приятно, а меня – Виктор, можно Витя. Ну что, погуляем, когда ряд закончим?

– Не могу сейчас, нам нельзя во время работы с поля уходить. Если хочешь, я могу на тихом часе, часа в два.

– Конечно, для встречи с тобой я все преграды преодолею, я соглашусь с любым твоим желанием, только скажи! Давай

работать.

И они стали вместе, иногда касаясь друг друга плечами, локтями, пальцами рук, полоть следующий ряд. У Виктора удивительно ловко и легко получалось расправляться с сорняками. Тем более что в груди у него прыгала и росла огромная радость: наконец-то у него получилось познакомиться с девчонкой, за которой он уже три дня издали следил с робкой надеждой.

«Какой интересный парень, – думала в это время Санька, – такой воспитанный и веселый, такие красивые слова говорит, а какой симпатичный!» Она успела разглядеть его всего: яркие серые глаза, светлые, слегка выющиеся волосы, высокий и загорелый. У него были мускулистые ноги со светлым пушком, майка не прикрывала сильные плечи, на руках выделялись крепкие мускулы и жилы – видно было, что парень занимается спортом и от физической работы не отлынивает. Для своего возраста он был удивительно хорошо сложен и накачан. «Я еще расспрошу его об этом» – помечтала Санька о следующей встрече. Когда работающих подростков позвал бригадир, Санька впервые с сожалением оставила работу и, помахав своему новому знакомому рукой, нарочито красиво побежала к ребятам.

– Помни: в два часа на этом месте! – так, чтобы слышала только Санька, проговорил Виктор.

«Еще бы я не помнила, – подумала, довольно улыбнувшись, Санька, – да я ни на секунду не забуду об этом!»

Она особенно тщательно отмывала грязь из-под ногтей в душе, во все стороны расчесала, чтобы распушить, свои длинные волосы и уложила их в красивую косу высоко на макушке, потому что с хвостом было бы жарко и она решила уложить волосы повыше. Наскоро пообедав, Санька поспешила в палатку, быстро, чтобы опередить девчонок и избежать вопросов, выбрала и надела свои лучшие брючки и маечку, и выскочила из лагеря,.

Тайком пробравшись сзади столовой через лесочек в поле, она уже медленно пошла в условленное место на краю поля. Ей пришлось идти в обход, потому что прополотое ими поле за время обеда успели залить водой из поливочной системы. Вода прямо стояла между рядами, и через эту жижу было не перебраться. Санька вернулась к лесополосе и вдоль деревьев, где было повыше, уже скорым шагом пошла в условленное место. Конечно, это заняло у нее не меньше 20 минут, и к двум часам она опоздала. Со страхом она думала, что Виктор, скорее всего не дождется ее – ведь они почти не знакомы. Но, к ее радости, он стоял спиной к ней (он ведь ждал ее с другой стороны), держа за спиной охапку полевых цветов, и с вытянутой шеей смотрел в сторону лагеря. Он не мог видеть, как Санька на цыпочках пробирается к нему сзади. Она сначала хотела сразу окликнуть его, потому что опоздала, чтобы успокоить, но, увидев его позу, каким-то женским чутьем поняла: не нужно.

Гудела вода, шумел двигатель поливочной машины, кри-

чали галки и вороны на пашне – Виктор не мог слышать подкрадывающуюся к нему Саньку, а она, подобравшись к нему, быстро закрыла ему глаза своими ладонями. Она еще никогда этого не делала и не знала реакции на этот ее поступок. А реакция была очень неожиданная для нее: Виктор резко обернулся, обхватил ее обеими руками и быстро поцеловал прямо в губы! Ничего себе! Санька, конечно, влюблялась несколько раз, но никогда ее еще никто вот так не обнимал, разве что в танце, и уж тем более не целовал. От неожиданности она еще несколько секунд не шевелилась, а только ошеломленно и, надо сказать, радостно смотрела Витьке в глаза, но, опомнившись, вырвалась и стояла напротив, как обалдевшая взъерошенная кошка: в глазах метались то смешинки, то молнии, казалось, что сейчас она выпустит все свои «коготочки», но она вдруг рассмеялась.

Может быть, для мальчишки его собственный поступок *тоже* был неожиданным, он замер и не знал, что делать дальше, но Санькин смех положил конец неловкости. Он рассмеялся и протянул ей цветы:

– Это тебе! Как я рад, что ты пришла, я уже не надеялся. Но ты не думай, я бы в лагерь пришел, я бы тебя все равно нашел!

Санька молча теребила цветы, она была на седьмом небе от этих слов и от его поступка; если бы она не боялась показаться слишком смелой и развязной, она бы и сама сейчас обняла бы его и ждала еще одного поцелуя. Но он больше

не решился, и Санька даже жалела об этом.

Виктор взял ее за руку, и они пошли вдоль лесополосы в сторону от лагеря. На следующем поле работы не велись, земля отдыхала, и ее отдых был удивительно красивым! Все поле заросло высокими травами, многие еще цвели, и цветы были разной формы и оттенков. Пробираясь за руку среди высоких трав и цветов, ребята ощущали себя оторванными, спрятанными от всего мира. Можно было упасть в этот ворсистый цветной ковер и смотреть в бесконечное синее небо...

Но они не решились. Они шли и шли, Витя рассказывал о своей жизни, Санька – о своей. Оказалось, что он из Грозного, учился в большой новой школе в классе на год старше Саньки. Его родители работали на огромном заводе, а девушка здесь, на колхозной пасеке. К нему Витя и приезжает каждое лето помогать и отдыхать от большого промышленного города. Ему очень нравятся и эти поля, и гул пчел, и свобода под этим ничем не закрытым небом.

– А теперь мне здесь нравится еще больше – здесь ты, – тихо проговорил Витя. – Я уже три дня наблюдаю за тобой, но ты все время в толпе. Я уже почти готов был подойти и позвать тебя – и тут повезло: ты отстала на своем ряду и оказалась близко от меня одна. Спасибо сурепке! – пошутил он насчет сорняков, и снова Санька звонко засмеялась.

– Спасибо сурепке-е-е! – прокричала на все поле Санька. Хохочущую девчонку Витя осмелился снова обхватить

обеими руками, а затем неловко уткнулся губами в шею. Он подхватил ее на руки и закружил по цветущему полю. Радуги от разноцветных лепестков закружились в глазах Сашеньки, цветы касались ее плеч, они щекотали ее лицо и руки, и она продолжала смеяться. Это было так приятно – лететь на его руках среди цветов и понимать, как сильно она ему нравится!

Они оба были еще такими маленькими и чистыми, что никаких более смелых мыслей в их головах и сердцах просто не могло появиться. В конце концов, Витя отпустил Саньку, и они, снова держась за руки, пошли к лагерю.

Вечером этого дня и во все последующие вечера Виктор приходил в лагерь на танцы, успел подружиться с мальчишками, играл с ними в футбол, но все время искал глазами Саньку, приглашал ее на все медленные танцы и уходил только после отбоя. И почти каждый день на тихом часе Санька убегала из лагеря на свои романтические свидания.

Они уже много знали друг о друге, стали очень близкими друзьями. Девчонки завистливо шептались, ведь таких красавчиков в лагере не было. Но Саньку в классе любили, и злых сплетен про ее отношения с чужаком не распространяли, и учителям ее тайну не выдали.

Смена закончилась неожиданно, надо было уезжать домой, а Виктор по-прежнему оставался у деда на пасеке. До своего отъезда в Грозный он еще пару раз приезжал днем в станицу и встречался с Санькой в центре или в парке,

но эти встречи нельзя было сравнить с их романтическими свиданиями в полях.

А вскоре Саньку отправили сначала к бабушке, а после до конца лета в пионерский лагерь. Ребята еще с год переписывались, а потом потеряли друг друга. Любовь так и не успела родиться.

Через много лет повзрослевший Виктор появился вдруг в доме Александры накануне ее свадьбы совсем с другим Виктором. Видимо, он после службы в армии снова приехал к деду и вспомнил здесь, в полях, о своей лесной фее, решив возобновить их сельскохозяйственный роман, но... опоздал. «Если когда-нибудь ты передумаешь или останешься одна, и захочешь найти меня – только позови, я буду ждать тебя всегда», – эти слова Санька иногда вспоминала в своей жизни.

Но потом чеченская война и разгром Грозного навсегда похоронили под развалинами Витькиного родного города последнюю надежду когда-нибудь встретиться с ним. Но это уже совсем другая история...

Бусинка одиннадцатая. Школа комсомольского актива

«На белом свете парня лучше нет, чем Комсомол 60-х лет!»

На площади посреди пионерского лагеря выстроились в линейчку в бело-черной парадной форме почти 600 подростков из всех городов, станиц и аулов республики и дружно пели любимую всеми песню, которая своим маршевым мотивом и гордыми словами поднимала их сознание и ощущение себя, как мощный единый организм, принадлежащий самой многочисленной в истории человечества молодежной организации – Комсомолу.

Этот довольно стройный и сильный хор завершал очередное торжественное построение в лагере комсомольского актива; эти смены ежегодно проводил областной комсомол для секретарей школьных комсомольских организаций.

Место для этих удивительных смен было выбрано замечательное: в высокогорном районе на берегу настоящей горной речки Белки в ряд выстроились с десятков пионерских оздоровительных лагерей. В этой речке у села Сержень-Юрт было широченное русло, покрытое белой галькой и несколько кристально чистых бурных потоков, которые, впрочем, постаравшись и взявшись за руки, можно было переходить вброд, несмотря на очень холодную даже в жаркие летние дни воду.

Ребята умудрялись даже купаться в искусственных запрудах, а по утрам бегали сюда чистить зубы и умываться.

Лагерь окружали лесистые горы, на другом берегу стояли настоящие горские домики жителей аула, но магазин был современный, и ребята частенько перебирались через речку за сладостями.

Впрочем, в лагере не было свободного времени, потому что каждый из девяти дней был посвящен определенной теме и расписан по минутам: в День Космоса, например, жили почти по программе Центра подготовки космонавтов и готовили вечерний космический КВН; в День Природы встречали на речке Нептуна с русалками и выходили на Экологическую тропу; в день военно-спортивной игры «Зарница» вскакивали по тревоге в четыре утра, шли в незнакомом лесу по карте, выполняя в пути «военные» задания, и брали высоту в конце маршрута.

А вечером пели песни о войне и замирали на Героической Поверке.

Саньку выбрали командиром в ее отряде, и в ее обязанности входило не только организовать жизнь в отряде, но и присутствовать на планерках, выполнять задания штаба. Но, несмотря на занятость, у Саньки хватило времени и сил влюбиться в красивого баяниста из грозненского отряда. Ей тогда уже исполнилось 15, ее тезке Саше, тому самому баянисту – на год больше. Его удивительно синие глаза в пушистых ресницах подошли бы больше девчонке, но высокий

рост, небольшой черный пушок над губами и широкие плечи парнишки делали его неотразимым! Девчонки так и липли, все старались оказаться поближе на репетициях и поголовно все стали певицами. Но когда впервые к нему подошла Санька и запела песню, которую ему предстояло подобрать на баяне на слух для вечернего концерта — шансы всех остальных солисток сошли на нет. Уже вечером того же дня Саша и Саша прогуливались за руку по аллеям лагеря, ловя на себе злые обиженные взгляды соперниц. Как ни старались девчонки отбить красавчика, но только с Санькой он бегал утром на речку, бродил по лагерю по вечерам и лишний раз репетировал Санькины песни на тихом часе.

«Вечер бродит по лесным дорожкам,
Ты ведь тоже любишь вечера.
Подожди, постой еще немножко,
Посидим с товарищами у костра.
Вижу целый мир в глазах тревожных
В этот час на берегу крутом.
Не смотри ты так неосторожно —
Я могу подумать что-нибудь не то».

Эту любимую всеми «не комсомольскую» песню пели они и в прощальный вечер у огромного костра на поляне.

А утром в суматохе сборов им даже встретиться на речке не удалось. Уже у отъезжающего автобуса Саша нашел Саньку и долго смотрел своими синими глазищами в ее гла-

за, как будто заранее зная, что ничего уже не будет потом у двух подростков в мире, где еще нет телефонов на расстоянии 60 километров друг от друга. Саньку позвали в автобус, она на мгновение вцепилась в Сашину руку, а потом долго махала ему из окна.

Уже месяца через два, убедившись, что писем не будет, она с горя написала стихотворение, которое даже по просьбе учительницы литературы отдавала на конкурс и удивила жюри:

Помнишь первую нашу встречу?
Звезды яркие в вышине...
КВН был – Космоса вечер,
Пели мы под баян в тишине.
После этого дни летели,
Словно ласточки над землей,
Словно миг промчалась неделя —
и расстаться нужно с тобой.
Помнишь нашу последнюю встречу?
Солнце светит над головой,
И деревья на ухо шепчут:
«Напиши, как приедешь домой!»

Но он так и не написал... Его адреса Санька как-то не удосужилась взять. И только его синие глаза она еще долго вспоминала по ночам. Эти комсомольские смены проводились каждый август, и Саньке еще трижды повезло побывать там:

сначала школьницей, а потом уже и старшей пионервожатой, и каждый раз она надеялась, что ее синеглазый баянист встретится ей на берегу Белки. И не догадывались они тогда, что пройдет всего двадцать лет – и в чудесных пионерских лагерях будут готовить отряды боевиков для Кавказской войны. Но этого Санька не могла знать, перебирая бусинки на пороге своей взрослой жизни.

Только через несколько лет ее станет преследовать по ночам один и тот же сон: во дворе ее школы она с родными прячется в каких-то подвалах от врагов в черной одежде и с автоматами. Такого вида «врагов» в 70-е и 80-е годы даже представить себе никто не мог, что это были за враги, которые хотели убить ее родню? И она выводила близких по длинным подземным переходам далеко в горы. Сон заканчивался еще более странно: из подвалов Санька почему-то выводила спутников за сто с лишним километров на берег речки Белки, только вот узнать ее русло было трудно: белая галька вся была залита кровью, она была красной, и Санька почему-то знала, что накануне здесь, у пионерских лагерей, был кровавый бой. И просыпалась в поту. Сон этот она видела почти двадцать лет, вплоть до середины 90-х годов.

Бусинка двенадцатая. «Великолепная семерка»

Была уже глубокая ночь, а из комнаты Саньки по-прежнему доносился шум сдерживаемых голосов и задавленный хохот двух девчонок. Алена уже месяц жила у них дома и не первый раз – и это очень сблизило и так давно сдружившихся одноклассниц.

Алена появилась у них уже в шестом классе и сразу стала любимицей и учителей, и одноклассников, особенно мальчишек: очень хрупкая, какая-то беззащитная, но очень симпатичная, белокожая, с рыжими волосами и зеленоватыми глазами, с легкими веснушками на носу, к тому же еще и умная, она сразу стала отличницей. Ей все легко давалось: она не сидела часами над трудными задачками или заучивая правила – она просто мельком пробежала учебник, быстро решила задание, помня объяснения учителя на уроках, а утром позволяла всем желающим списывать из своих тетрадей.

Санька, помня, как трудно новенькой найти свое место в чужом классе, сразу усадила Алену за свою парту и уже с ней не расставалась. И никто, кроме Саньки не знал, какая драматическая ситуация сложилась в доме у Алены: ее добрая и безответная мать уже много лет терпела побои и издевательства своего сильно пьющего мужа. Она, как могла, защищала своих сына и дочь, но иногда обстановка была такой

невыносимой, что родители Саньки по ее просьбе забирали подружку дочери к себе, и она порой неделями жила в их семье, что очень радовало Саньку.

Почти каждую ночь маме приходилось прикрикнуть, чтобы девчонки перестали шушукаться, утихомирились и, наконец, легли спать. Их бурное, нескончаемое обсуждение своих девчоночьих секретов не давало уснуть всей семье.

Младший брат Алены Витек, ровесник Санькиного младшего брата, тоже частенько перебирался от буйного отца то к одному, то к другому своему другу. Наконец, однажды скандал зашел слишком далеко: несчастная тетя Дусечка была жестоко избита, а дебошира все же посадили на год за издевательства над семьей.

И вот тут и для самой тети Дусечки, и для ее детей, и для всех их верных друзей, не оставлявших их в беде, началась невероятно интересная и полезная для подростков новая жизнь. Тетя Дусечка была удивительно доброй и гостеприимной, и на свою малюсенькую зарплату инспектора ВДПО, пожарного общества, умудрялась не только прокормить и одеть двоих своих детей, но и почти каждый день придумывала, чем накормить после школы всю компанию. Благо, картошка была своя, из огорода. Фирменный салат из картошки, зеленого горошка и лука, заправленный сметаной – лучшего обеда за общим столом и не придумать было.

А компания в доме собиралась великолепная: три девочки – Алена, Санька и их подружка Катенька, дочь директора

школы, которая училась на год старше Саньки. А вот четверо мальчишек были младше девчонок на год, потому что были друзьями младшего брата Алены. Все они были такими разными и по статусу родителей, и по материальному достатку семей, и по возрасту, к тому же учились в разных школах. Что их объединило и подружило – они об этом не задумывались. Но, скорее всего – это был дом тети Дусечки, в котором их всегда ждали, их «клуб», их место силы и дружбы. Наверное, эта простая женщина знала какой-то секрет, который не знали их умные родители, обладала волшебной объединяющей энергетикой (ну почему в этом мире все лучшие женщины так неправильно выбирают мужчин?), и эта ее энергетика создавала в ее бедном доме атмосферу душевного тепла, сердечности и дружелюбия, которых, возможно, в их благополучных семьях ребятам не хватало.

Что бы там ни было, но почти ежедневно после занятий «великолепная семерка» постепенно подтягивалась в свой «клуб», чтобы до отвала из большого тазика наесться фирменного салата.

А потом были беседы и споры «за жизнь», песни под гитару и флирт. На гитаре за несколько недель научился играть брат Алены Витек, именно от него ребята впервые слышали песни Высоцкого и других бардов.

После очередной новой песни в исполнении гитариста они все дружно пели самые популярные песни конца шестидесятых: «Велосипед», «Последнюю электричку», «Ладу» и дру-

гие, слова которых удавалось вспомнить.

По вечерам у них было свое эксклюзивное приключение: в конце сада во дворе одного из мальчиков – Коляна – вместо забора была стена технического здания летнего кинотеатра, с крыши которого отлично виден был большой экран. На плоскую крышу этого здания и карабкались подростки, чтобы «зайцами» увидеть все фильмы, идущие в кинотеатре, особенно те, которые «детям до шестнадцати не разрешаются». В темноте они пробирались по саду, затем, с трудом сдерживая хохот, подсаживали девчонок и забирались сами. Это надо было делать, когда кино уже началось, и в зале гасили свет. Конечно, было одно неудобство: если рвалась пленка, и свет внезапно зажигался, надо было быстро и бесшумно лечь пластом на крышу, чтобы никто не заметил безбилетников. Именно в темноте кинозала на той заветной крыше зарождались первые робкие отношения, ведь лежа на крыше, можно было незаметно коснуться руки или прижаться плечами и коленками и даже поцеловаться незаметно для других. Они тогда все перевлюблялись и перевстречались внутри своей «великолепной семерки».

Жизнь позднее разбросала их по всей стране от Ейска до Якутии, девчонки вскоре после школы выскочили замуж совсем за других мальчиков, а парнишки, хоть и гораздо позднее, но нашли своих жен совсем в других компаниях, и ни одна из их детских влюбленностей не доросла до большой любви и брака; каждый пошел своей, иногда

не очень счастливой дорогой, но свою дружбу, нежное отношение к друг другу и верность своим воспоминаниям они сохранили на всю жизнь.

А тогда они строили планы и не могли знать, что готовит им судьба...

Девочка в зеркале все так же упорно тянула Саньку за нить ее любимых бус в темную глубину зеркала, а девушка изо всех сил пыталась отнять бусы и оттолкнуться от втягивающей ее вязкой и холодной поверхности стекла. Наконец, все еще громко крича, Саша отлетела от зеркала на середину зала, разорвав бусы и рассыпав их повсюду... И проснулась. В ушах все еще с частотой автоматной очереди стучали по полу бусины.

Окончательно проснувшись, ошалевшая от кошмара Александра осознала, что приснившийся ей стук бусин – это стук в окно: обеспокоенная долгим молчанием Саши, к ней настойчиво стучалась Алена – самая близкая из всех подружек в классе.

Испугавшись, что проспала, Саша быстро взглянула в окно и увидела, что на улице уже стало сереть, но часы на стене показывали семь часов вечера, значит, она еще не очень опаздывала на свой бал. Поспешно натянув свое чудесное выпускное платье и подвязав его атласным пояском, Саша

с сожалением оглядела рассыпанные по полу бусинки своего ожерелья, но, вспомнив сон, она аккуратно обошла их все по пути к двери и облегченно вздохнула: теперь ничто не удержит ее в уходящем детстве. Вздохнула – и выпорхнула в свою взрослую жизнь!

Ошибки Вероники или уроки Богов

Роман

Девчонка с экзотическим для села именем Вероника после окончания школы попадает сразу в самостоятельную взрослую жизнь в чужом совхозе. Приспосабливаясь к этой чужой жизни, пережив несчастную любовь, оказывается вдруг перед трудным выбором: самой ответить на любовь почти незнакомого парнишки из крепкой и дружной семьи и дождаться его из армии или выскочить замуж по любви, но остаться беспомощной перед трудностями жизни... Она выбрала второе – и это была первая ошибка. Нищее существование в незнакомом городе заставило расстаться на несколько лет с маленьким сыном – и это была самая большая её ошибка, сын уже никогда не простит ей это! Жизнь все время ставила Веронику перед трудным выбором, бросала её и в огонь, и в воду. Как конкистадор, отправлялась она снова и снова на поиски любви, считая все преграды и совершая новые ошибки, горько расплачиваясь за них, не замечая Знаков и не усваивая уроков с небес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.